

Бондарь М.

1-108

Литература

11 класс

19-10-5-9-4 = 47

2-0-4-2 = 11-1

10

57

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Работая с текстом рассказа Юрия Олеши, обращайтесь внимание на принципы создания характера героя, особенности композиции, основные мотивы произведения, его стилистику, связь с литературной традицией.

Юрий Олеша

Пророк

Козленков стоял на холме. Был жаркий летний день, необъятность, чистота, блеск. Среди необъятности стоял Козленков совершенно один в парусиновой блузе, в сандалиях, в картузе, надетом по-летнему: кое-как. Лицо ощутимо покрывалось загаром.

Зелени было мало. Ландшафт был суховат. Чернели в грунте трещины. Грунт был звонок.

По крутой тропинке, ведущей на холм к подножию Козленкова, быстро взбирался ангел, огромный ангел с черными — до плеч выющимися волосами, не имеющий крыльев, могучий. На нем был шлафрок из красной, темной материи, в руке — посох, под шлафроком кругло двигались колени.

Он вырос перед Козленковым на краю холма. Высокий посох с цветущими ярко-зелеными почками уперся в сухую землю среди травинок. Посох блестел, как блестящая мебель. Почки походили на головки птенцов... Ангел стоял прямо. Кадык его имел форму кубка. Ангел протянул руку к плечу Козленкова.

В этот миг Козленков проснулся. Проснулся он, как просыпался ежедневно — около восьми часов утра. На столе зеленел остаток вчерашнего ужина: лук, салат. Козленков выпил стакан воды залпом.

Он умылся, оделся; было веселое утро, лето. Козленков выглянул в окно; ему показалось, что кое-где в зелени блестит роса, что вспорхнувшая птица уносит каплю. Всякое проявление воды тешило его, потому-то после лука его мучила всю ночь жажда. По коридору бегала, прячась и взвизгивая, соседка.

Напившись чаю, он вышел из дому. Дворник сказал, что в соседнем доме повесилась девушка. Козленков поспешил посмотреть.

В соседнем доме посреди двора разбит был садик. Из окон смотрели жильцы. Козленков подумал: опоздаю на службу, однако не устоял. Происшествие случилось на черном дворе. Козленков остановился под аркой. На него двигалось шествие: бабы, мужчины в жилетках, корзина с овощами, собаки, дети, метла; вынутую из петли несли на руках.

Она лежала на шествии, живая, ярко освещенная солнцем, в платье с напечатанными розанами. Вдали трубил рожок. Ехала карета. Козленков разужнал: девушка была несчастна, брошена, голодала.

Вдруг Козленков увидел темное, невоскрытое после зимы окно, вату между рамами, гарус, свечу. Окно никакого отношения к самоубийству не имело. Затем: на крыльце сидела впавшая в детство старушка. Старушка ела, брала еду кусочками с колен.

«Горе, — подумал Козленков. — Ах, горе».

И стало ему всех жаль.

— Надо помочь! — громко, воодушевленно сказал он.

Он хотел сказать так:

— Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом.

— Помогут. Жива, — ответили из толпы.

Силой, которая могла бы уничтожить человеческое горе разом, Козленков не обладал. Он знал, что такой силы нет. Нужно ждать, накапливать эту силу.

Желание Козленкова было так страстно, порыв так неудержим, что согласиться хотя бы на минутное ожидание он не мог. Поэтому он подумал о чуде.

— Нужно сделать чудо, — вздохнул он.

На службе, в обеденный перерыв, жуя булку с колбасой, Козленков вспоминал утреннее происшествие. На глазах у него блеснули слезы. Он сдерживал плач, глотать становилось труднее. Он воображал картину.

Он входит во двор с цветущим посохом. В садике поют птицы, качаются на кустах цветы, люди в страхе бегут с подоконников. Навстречу несут девушку. В пролете арки видна старушка, окна с гарусом. Он касается ладонью девушкина лба. Тотчас же окно поднимается ввысь, поворачивается к воздуху и солнцу, распаивается во всю ширь, свисают с подоконников пеляргови, ветер раздувает занавески... Тотчас старушке возвращается молодость, сын; они едят арбуз, сидя за деревянным, чисто вымытым столом. Арбуз снежен, ал; косточки чисты, блестящи, косточками можно играть в блошки. А девушка... Все счастливы. Мечты исполняются, возвращаются утраты.

Козленков вдруг встал. Он вспомнил сон. С грохотом стул отошел назад. Поднялись дыбом страницы бухгалтерской книги.

Он открыл дверь в соседнюю комнату и переступил порог. Тотчас же все головы пригнулись. Он видел: открыты окна, за окнами зелень, ветви. Тотчас же окна прищипли в движение, какая-то сила, какой-то дух полетел на них, кидая во все стороны створки. Поднялись и зашумели ветви. Со столов, образуя смерч, взлетели бумаги. С громом захлопнулась за ним дверь. Противоположная открылась сама собой.

И — самое главное — он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина — сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно.

Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо». Он прошел через ряд комнат, производя сквозняк, бурю. Путь его сопровождался криками. Крики означали:

— Осторожно! Двери! Двери! Ловите бумаги! Разобьется окно! Швейцаров нет!

Но Козленкову не запрещено было придавать крикам иное значение. Одни казались ему выражением восторга, другие гнева. Он шел, как пророк, — долгожданный для одних,

ненавидимый другими. Он исполнял волю пославшего. Окна хлопали, вспыхивало стекло, в саду оттого летали молнии. И вот наступил экстаз. Козленков предстал перед главой учреждения. Глава стал медленно подниматься в кресле своем навстречу Козленкову. Пророк стоял взъерошенный сквозняком, бледный, с горящими глазами, задыхающийся.

— Выдайте мне жалование за две недели вперед, — сказал Козленков. И через минуту он возвращался обратно, держа в руках записку главы учреждения.

— Чудо, — говорили вокруг. — Чудо. Чудом получил, чудом!

Деньги были получены. Он вышел. Все бросились к окнам. Он шел без шапки, встречные оглядывались. Затем он искал вынутую из петли девушку. На том черном дворе сказали ему, что девушка в больнице. Его ударил неизвестный человек.

— Да не того бьешь, — закричала баба, — за что бьешь!

Неизвестный ударил его снова кулаком между лопаток. Козленков странно выпрямился от этого удара. И от внезапного выпрямления легко, как-то поджаро, пустился по лестнице. Лицо его светилось. Он знал, что просто его приняли за другого, за виновника девушкиных несчастий. Он смолчал, потому что принял на себя вину другого. Осмеянный, он пронесся по двору.

В садике том играла мячиком девочка. Мячик попал в кустарник. Козленков полез по траве, по черной почве газона, разнял кустарник и поднял шар. С крыши видел все это дворник. Голову Козленкова усеяли лепестки, в ладони торчал шип.

Дворник, осиянный высотой, небесами, гремел над миром. Проклятья неслись с высоты. Фартук его развевался. Как раз то расположение материи, напоминающее свиток, какое бывает на мраморных ангелах, образовалось у ног дворника. И как раз дворник стоял над вершиной лестницы — обыкновенной пожарной лестницы, — но в лучах солнца лестница пламенела, — и Козленков ужаснулся.

Козленков приближался к больнице. Лепестки, тихо кружась, слетали с его головы.

— Я не могу, — вздохнул он. — Зачем послали мне ангела?

И он пошел домой. Во дворе у крыльца сидела прачка Федора. Она продавала овощи. На крыльце стояла корзинка с грубыми — но с виду изваянными — капустными головами. Козленков взглянул. Капустная голова с завитыми листьями — именно завитки эти мраморной твердостью и прохладой листов произвели тревогу в памяти Козленкова. Подобного статуйного характера завитки уже он видел сегодня на фартуке дворника.

Прачка держала в руках капустный шар. Была она в красном одеянии, могучая. Так и вчера в тот же час стояла она над корзиной, и вчера Козленков купил у нее молодого луку. Теперь он сделал то же самое. Прачка уложила капустную голову в корзину (голова скрипела в ладонях, как вымытая) и достала лук.

«Плохая прачка», — подумал Козленков. Вчера вечером, ложась спать, он досадовал на жесткость простынь. Вчера же наелся он луку. Ночью он просыпался от жажды. Ему было жарко, он поворачивал подушку — и когда, маюющийся и сонный, обретал обратную ее, прохладную сторону — наступало исцеление и успокоение. Но вскоре и эта сторона покрывалась жаром.

Удивительный день кончился. Вечером снова Козленков ел лук. Хлеб с маслом и лук — горький, сладкий, потный, с подмышечным запахом. Перед тем как ложиться, он пошастал рукой по натянутой на матрац простыне, дабы сгладить невидимую ее шероховатость.

Прошедший день был страшен. Козленков заснул. Вновь мучила его жажда, сушь, вновь сушь распростерлась перед ним: желтый, звонкий ландшафт, пористый грунт. Он спал. Тело его бунтовало, он метался, ища обратную сторону подушки, он протестовал, спящий, он негодовал на самого себя, действующего во сне, протестовал против самого себя, вновь поднимающегося на холм... Он мычал во сне, бил по одеялу руками...

Но вновь остановился он на холме, и вновь снизу пошел на него ангел в красном одеянии, черноголовый и могучий. В ту секунду, когда видение началось и в теле спящего Козленкова началась изжога. Именно подступ изжоги к горлу, ход ее откуда-то из недр

пищевода и был в сновидении появлением и ходом ангела. Но то знание, которое приобрел Козленков днем, — знание о сходствах, замеченных им между целым рядом предметов, отразилось на работе сонного его сознания, — и так как знание это было разоблачительным по отношению ко сну, то сон ослабел, сон готов был прерваться.

Еще секунда — и спящий воспрянул бы... И действительно, Козленков через секунду проснулся, успев увидеть перед собой на краю холма прачку Федору. Козленков проснулся. Было светло. Он напился воды, засмеялся и заснул.

1928

Текст 2.

При аналитической работе со стихотворением Марины Цветаевой, учитывайте название и тему стихотворения, обращайте внимание на особенности лексики, поэтического синтаксиса, связь с мифологией и литературной традицией.

Марина Цветаева

Молвь

Ёмче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не даётся — эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржёт, предвкушая бег.

Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полёте —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

Количество баллов — 50

Ответ:

Юрий Олеши написал свой рассказ «Пророк» в 1924 году. К этому времени в России уже окончательно установилась атеистическая советская власть, поэтому его рассказ несколько необычен, поскольку содержит в себе религиозные мотивы. Отчасти, по моему мнению, Козленков, главный герой рассказа как бы воплощает в себе образ Иисуса. Иисус был послан Богом, чтобы проповедовать людям добро, сострадание и сопереживание, а к Козленкову во сне приходит ангел, после чего он резко меняется в своих мыслях и стремится помочь каждому нуждающемуся. Но, в отличие от Иисуса, характер Козленкова слабее, и герой, просто ужаснувшись, сдаётся.

Композиция рассказа очень интересна, поскольку буквально сразу начинается завязка: к спящему Козленкову приходит во сне ангел с терновыми волосами, что необычно, поскольку ангелы чаще всего изображаются со светлыми волосами, после чего мировоззрение героя резко меняется, он хочет помочь каждому, но, к сожалению, не знает как. Кульминацией рассказа и её назвала сцену со дворником, в садике. Герой помогает девочке, за что на него обрушивается шев дворника, который только убрал разбросанные вьюсь Козленковым лепестки. Дворник мне показался образом

"Дьявола, так как он стоял над вершиной лестницы... но в лучах солнца лестница пламенела", то есть дворник словно находится в огне. После этой сцены Козловский Козленков мигает и не идет, он идет дальше, хотя незадолго до этого спешит помочь пытавшейся совершить самоубийство девушке.

Как я упоминала ранее, в рассказе прослеживаются библейские мотивы. Козленков не только ~~есть~~ является образом Иисуса, но и проходит его путь. В первую очередь, после пробуждения Козленков обращает внимание на "всёкое правление воды", его мучает жажда, а ведь именно вода - то, что по церковным канонам символизирует жизнь. В сцене, где он проходит через камноту все словно "падают перед ним ниц". Все люди кричат из-за сквозняка, но сам Козленков слышит это как выражение восторга и восторга, направленных на него. Так когда-то шёл и Иисус, кто-то поддерживал его, а кто-то нет. Сам Козленков сравнивает себя с пророком. Стоит отметить, что как некогда обвинили в несовершенном Иисуса, так и невинный Козленков получил удар от неизвестного. Более того, помогая девочке в саду, герой получает в ладонь шип, что наталкивает нас ~~на~~ ~~на~~ на ассоциацию с распятым на кресте Иисусом, который был "прикреплён" к кресту гвоздями, вбитыми в ступни и ладони. Хочу отметить, и то, что Юрий Олежка называет работу Козленкова службой, хотя обычно это слово используют для церковной службы.

Юрий Олежка написал действительно интересный рассказ, сумев объединить в нём и библейские мотивы, и интересный сюжет.

19-10-5-9-4

Общее количество баллов _____

Подписи членов жюри _____

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

...
Дом — памятник архитектуры
фронтоны завитки амуры
лемуры башенки колонны
оканты ранты каннелюры
решетки лоджии балконы
кариатиды и пилоны
гербы: колосья и короны
подвалы чердаки и крыши
бродяги голуби и крысы
помойки кошки и вороны
порталы купола и шпили
часы зачем-то прилепили
два льва глядят на человека
дом — особняк начала века
«дом улица фонарь аптека...»

...
Генрих Сапгир, 1982

Фрагмент 2

...
Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

Трагизм судьбы давно нам ведом.
Поэтому близка ты нам,
Та песня, что когда-то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

Евгений Яшин, 1933

4

2-0-5-шр-2 / 11-1 шр.

Ответ:

В каждом произведении заложен свой смысл, каждый автор ведёт с читателем диалог с помощью своих произведений. В XX веке "узкая режь", то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Чаще всего писатели использовали цитирование для придания своим произведениям большего смысла, ведь порою отсылка к другим произведениям позволяет читателю соотнести смысл двух произведений и прийти к чему-то одному, более цельному.

Разобрать это явление мне бы хотелось на примере стихотворений двух авторов: Генриха Сапгира и Евгения Елинова. Оба писателя использовали в своих стихотворениях известную строчку В. Маяковского, символиста: "Ночь. Улица. Фонарь. Аптека". Оба автора словно пренебрежительно относятся к строкам символиста, Генрих Сапгир описывает своим читателям прекрасной памятью архитектуру, да, но завершает писатель, словно издеваясь над сухостью символизма: "да, улица фонарь аптека...". Я предполагаю, что Г. Сапгир может быть недоволен тем, как сухо описывают невероятно красивую постройку. Если говорить о Евгении Елинове, то он называет строчки В. Маяковского "языком скупой тоски трагического века".

Однако не только в ^{поэзии} ~~прозе~~, но и в прозе можно встретить "узкую режь". В пьесе М. Горького "На дне" герой Актер цитирует произведение великого автора, что позволяет читателю лучше понять героя.

Что же, "узкая режь", ставшая популярной среди литераторов XX века, позволяет читателю лучше понять смысл прочитанного, поскольку они могут складывать смысл двух

с-1107

произведений воедино.

Общее количество баллов

575

Подписи членов жюри

